

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-3-45-53
УДК (UDC)81'23

Vassili V. Bouilov,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

Буйлов Василий В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

*For citation: Bouilov Vassili V., (2023).
Forms of Folk Etymology, Dialect Vocabulary
and Elements of Skaz as Important Lexical-
Stylistic Components of Andrei Platonov's
Writing Method.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 3 (2023), pp. 45-53 (in USA)*

Manuscript received 15/9/2023

Accepted for publication: 20/11/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

FORMS OF FOLK ETYMOLOGY, DIALECT VOCABULARY AND ELEMENTS OF SKAZ AS IMPORTANT LEXICAL-STYLISTIC COMPONENTS OF ANDREY PLATONOV'S WRITING METHOD

ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ, ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ЭЛЕМЕНТЫ СКАЗА КАК ВАЖНЫЕ ЛЕКСИКО- СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПИСАТЕЛЬСКОГО МЕТОДА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Abstract:

In the basis of Andrei Platonov's artistic and linguistic method, or his idiostyle, is a syncretic combination of heterogeneous, conflicting principles, an eclectic mixture of theories, ideas, styles and views with the author's preferential choice of such linguistic-stylistic design and such stylistic elements that are determined by the socio-cultural context and by special implicative-connotative and occasional meanings. Platonov's wedging of individual words or expressions of colloquial style, folk speech, dialectisms into the narrative, where words and phrases of other styles are present, leads to a general increase in the expressiveness of the narrative. In many cases, the author's indirect description-retelling of the actions, thoughts, and logic of Platonov's characters is saturated with emotionally rich colloquial forms of speech communication with the intensive inclusion of individual coloring words, indirectly articulated by the characters, which together gives the narrative lively and bright skaz sound.

Keywords: Idiostyle of Andrei Platonov, folk speech, author's stylization, forms of folk etymology, paronymic attraction, dialect vocabulary, folk dialects, elements of skaz

Аннотация:

В основе художественного и языкового метода Андрея Платонова, или его идиостиля, лежит синкретическое сведение разнородных, вступающих в противоречие принципов, эклектическое смешение теорий, идей, стилей и взглядов при предпочтительном выборе автором такого лингвостилистического оформления и таких стилистических элементов, которые имеют определяемые социокультурным контекстом особые имплицативно-коннотативные и окказиональные смыслы. Вклинивание Платоновым отдельных слов или выражений разговорного стиля, народной речи, диалектизмов в повествование, где присутствуют слова и фразы других стилей, приводит к общему повышению экспрессивности повествования. Во многих случаях косвенное по форме авторское описание-пересказ поступков, мыслей и логики платоновских персонажей насыщено эмоционально сочными разговорными формами речевого общения с интенсивным включением отдельных окрашивающих слов, косвенно артикулируемых персонажами, что всё вместе придает повествованию живое и яркое сказовое звучание.

Ключевые слова:

Идиостиль Андрея Платонова, народная речь, авторская стилизация, формы народной этимологии, паронимическая аттракция, диалектная лексика, народные говоры, элементы сказа

Введение

В языке Андрея Платонова все функционально значимо, все имеет свой особый смысловой подтекст. Отличительными особенностями платоновского текста являются художественное смешение писателем разных стилей, двуплановость, амбивалентность и имплицативность авторского дискурса, коннотативная природа и намеренная языковая закодированность скрытых смыслов. Решительное и бескомпромиссное художественное смешение писателем различных стилиевых пластов, соединение в едином речевом потоке часто несовместимого позволяет писателю передавать в своих текстах противоречивые признаки и особенности эпохи, изнутри которой он пишет, вдохновенно отражая, как в зеркале, характерные черты языка советской эпохи.

И именно благодаря включению в свой текст определённых элементов этого языка Платонов разворачивает в своей прозе достоверную и целостную картину мира этого непростого и откровенно страшного времени и поднимает в своих текстах разнообразные по степени важности темы и мотивы в спектре от постановки серьёзных экзистенциальных, философских и политических вопросов до колоритной языковой игры, плотно и повсеместно насыщенной платоновскими ироническими пассажами и производящей яркий сатирический эффект. Специфическое и целенаправленное использование Платоновым лексических и грамматических элементов, являющихся характерными для языка советской партийной бюрократии и пропаганды того времени, позволяют ему сохранить необходимую историческую перспективу.

Писатель повсеместно и успешно воссоздаёт в своих прозаических произведениях такую устную некодифицированную сферу речевой коммуникации, каковой является народная речь. Предполагая, что читатели в достаточной мере знакомы с основными нормами словоупотребления, Платонов намеренно создаёт такие ситуации в своём повествовании, в которых слова используются в необычных для них контекстах и в условиях нехарактерной для них лексической и синтаксической сочетаемости, что даёт ему в руки действенный механизм, с помощью которого он может художественно манипулировать разными, в том числе и скрытыми значениями нетрадиционно сочетающихся слов, во многих случаях актуализируя их внутреннюю форму и выводя из этого многие окказиональные смыслы.

Обсуждение

Повествование повести «Котлован» [7], одного из ключевых прозаических текстов Андрея Платонова, имея обобщенную философскую символику, строится на основе функционирования развернутой системы философских концептов, когда реально существующее всегда служит для установления общего. В этом онтологически, концептуально, экзистенциально и художественно знаковым, главном произведении Платонова народная речь характеризуется диалогичностью реальных речевых коммуникативных ситуаций, построенной на полифонии, и повсеместно осуществляется в повести через введение прямой речи.

Во многих случаях в качестве средства осуществления разнонаправленной авторской стилизации, имитирующей особенности спонтанной монологической и диалогической речи народных персонажей, для которой характерным является часто допускаемое ими непреднамеренное смешение сходных по звучанию разнокоренных слов, Платонов использует в качестве риторической фигуры или каламбура стилистическую фигуру паронимии как образное сближение разнокоренных, но схожих по звучанию слов при частичном совпадении морфемного состава двух слов-паронимов. Писатель пользуется этим смешением как стилистическим приемом, воссоздавая при помощи паронимии атмосферу естественных речевых ситуаций, в которых возможны любые оговорки и неточности. Помимо этого, Платонов искусно моделирует острый сатирический подтекст, благодаря которому происходит расширение общей экспрессивности фразы при обыгрывании клишированных фраз-установок идеологизированной речи некоторых своих народных персонажей, как например, в следующем фрагменте текста повести (здесь и ниже текст «Котлована» с указанием страниц цитируется по источнику [7]):

- Бедняку нигде не страшно; я б давно записался, только **зою** сеять боюсь.
- Какую **зою**? Если **сою**, то она ведь **официальный знак!**
- Её, **стерву**. [7, с. 71]

В этом примере Платонов прибегает к использованию **паронимической аттракции соя-Зоя**, которая строится на применении **метатезы** – комбинаторном изменении звуков в пределах этого слова. Такую перестановку звуков он использует как стилистический прием, который помогает создать ощущение реальности речевой ситуации и удачно имитирует речь неграмотных крестьян. Автором удачно обыгрывается звуковое сходство существительного **соя** [Бобовое растение, семена которого используются в пищевой промышленности и технике] [6, с. 751] с женским именем **Зоя**, что приводит к появлению дополнительного сатирического эффекта.

Подобная стилизация во многих случаях позволяет ему достичь значительного стилистического и сатирического эффекта. Благодаря проявлению паронимической аттракции расширяется общая экспрессивность фразы, создается впечатление естественности и разговорной нестройности речи персонажей. Сознательное смешение паронимов в авторских окказиональных словосочетаниях позволяет Платонову добиваться расширения границ лексического и стилистического употребления слов, что позволяет ему выстраивать второй, закодированный план повествования и создает дополнительные возможности для более широких философских обобщений с включением авторского критического интерпретирования квазиязыка утопии. Почти не меняя формы и сумбурного содержания традиционных лозунгов и призывов, часто по своей запутанности и глупости достигающих уровня гротеска, писатель сатирически обыгрывает абсурдную сущность бессмысленных и пафосных политических кампаний.

Так и в этом художественно ярком фрагменте «Котлована» благодаря авторскому вкраплению в речь колхозников таких клишированных фраз идеологической пропаганды, как **«она ведь официальный знак!»** через текст прорывается едкая

писательская ирония по отношению к официальной власти, и в этом заключается нескрываемый авторский сарказм Платонова: идеология не только распространяется на язык, но и на все другие сферы, и в частности, на агрономическую, сельскохозяйственную науку: *соя* – «**официальный знак!**». Подобное вклинивание отдельных слов или фраз официального и бюрократического стилей в платоновское повествование, где присутствуют слова и фразы других стилей, создает эффект ложного пафоса и приподнятости, чрезвычайно характерных для языка утопии. Использование в этом контексте лексически сниженной формы *стерва* ['просторечная, бранная' форма] [6, с. 764], напротив, усиливает впечатление наивной непосредственности народной речи и спонтанности, нестройности и простоты воспроизводимого писателем разговора.

Вводимые Платоновым в речь персонажей просторечные формы народной этимологии естественно и выразительно воссоздают живую народную речь, крестьянскую манеру говорить, смекалку и мудрую рассудительность деревенских жителей, яркий колорит народного юмора. Писатель повсеместно употребляет в «Котловане» слова стилистической окраски сниженности, в том числе – слова, используемые для эмоциональной передачи фамильярности и грубоватости. Употребление Платоновым в следующем просторечной формы императива *ляжь* способствует сознательному снижению стиля, производит впечатление подчеркнутой народности речи персонажа, его близости к массам:

– *Очнись!* – сказал ему Чиклин. – *Ляжь с медведем и забудься.* [7, с. 89]

Р. Лехикойнен [16] комментирует наивное нарушение малограмотными крестьянами норм произношения малоизвестных для них городских слов, говоря о стремлении в революционную эпоху деревенского населения к овладению общегородским, литературным языком. Она подчёркивает, что словарные новшества находят отклик в народной среде, и те слова, которые отличаются от норм русского языка, подвергаются значительным изменениям в звуковом и формальном отношениях.

В своём исследовании Лехикойнен сообщает о наблюдениях за речью крестьян, проведённых А. Салтыковым, учеником А.М. Селищева. Примеры нарушения норм произношения крестьянами были собраны Салтыковым в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 1925 году и позже были подробно описаны Селищевым в его собственной публикации [8, с. 214-218]. Вот лишь некоторые из этих изменений в нормах произношения, записанных Салтыковым, которые Лехикойнен представляет в своей работе «Словарь революции – революция в словаре?» [16]:

«<...> *закса* – в этой заксе молодые росписываются; *кила* – это хлеб вешают этим килам; *комиссар* – это старший у теперешней власти; *кануна* – это вместе работают; *камунист, каменист* – кто в бога не верует; *каператив, коператив, копетив, лератив* – лавка это от совета, от казны; это поочереды стоят в лавке; это на карточки дают в лавке;

консомолец, косомолец, косой, косорылы – это тоже как камунисты;

конференция – это речи говорят; *леворуция* – это новое право;

мелищея, милищея – это то же вроде красногвардейцев, только они не на войне, а в городе за порядком следят; это туда заявление подают, когда о чём хлопочут; *пинеры, пионеры* – это маленькие ребята, тоже как большевики; это ходят с барабаном и поют;

радио, радило, радион, радиво – говорук; это как граммофон слушают; слушают, что в Москве делается <...>» [16, с. 210-211]

Как и в приведённых выше примерах, для передачи в тексте «Котлована» колорита народной речи, особенностей языка, народной стихии, народного юмора Платонов широко использует прямую речь. В свою очередь, введение в неё элементов народной речи используется в полилогах как для образно-художественной передачи звучания и напевной мелодичности особого крестьянского говора, так и для выражения симпатии автора к смекалке и рассудительности мужиков:

– *Слабже бей, чёрт!* – загудели они. – *Не гадь всеобщего: теперь имущество что сирота, пожалеть некому* <...> *Да тише ты, домовой!* [7, с. 86]

При работе с текстом «Котлована» исследователю приходится сталкиваться и с многочисленными реалиями устной некодифицированной сферы речевой коммуникации уже *непосредственно советского периода*, приправленными сочными, звучными и резкими выражениями *исконно народной этимологии*. На читателя обрушивается стилистически насыщенный вал слов, фразеологизмов, форм и оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской сниженности и даже грубоватости и фамильярности:

– *Эх ты, эсесерша наша мать!* – кричал в радости один забвенный мужик, *показывая ухватку* <...>
– *Она девка аль вдова?* – спросил на ходу танца окрестный гость.
– *Девка!* – объяснилдвигающийся мужик. – *Аль не видишь, как мудрит?!*
– *Пускай ей помудрится!* – согласился тот же пришлый гость. – *Пускай поподбничает! А потом мы из неё сделаем смирную бабу: добро будет!* [7, с. 81]

Остроэмоциональное восклицание *Эсесерша наша мать!* в данном контексте можно рассматривать как завуалированный *эвфемизм*, само же обсуждение СССР в такой фамильярной и саркастической манере в репрессивных условиях насильственной коллективизации и разгула культа личности говорит о Платонове как о человеке смелом, даже бесстрашном. Внутренне являясь сторонником различных, именно свободных возможностей в плане альтернативности развития советского общества, Платонов ищет ответы на многие вопросы экзистенциального уровня и реализует данный поиск в своём тексте в художественно-философском и часто ироническом осмыслении вопросов бытия. Аллегорическое использование *образа молодой девки* для изображения СССР при общении крестьян также очень метко передаёт особенности психологии и поэтическую сущность народной души, привыкшей мыслить абстрактно и метафорически.

Для создания эффекта достоверности и реальности происходящего в «Котловане» Платонов употребляет и *диалектную лексику*, характерную для местности, предположительно описываемой в повести. Являясь важнейшими элементами народной этимологии, диалектизмы используются писателем наряду с другими средствами художественной выразительности как ярчайшие средства стилизации для передачи живой народной речи и расширенной речевой характеристики персонажей. Например, для создания местного колорита Платонов вводит в текст «Котлована» *диалектизм «огорожа»* [(обл.) изгородь, ограда, забор любого типа] [9, с. 349], относящийся к *воронежскому областному говору*:

Далее лошадного двора... находилась чья-то неимущая изба, которая стояла без усадьбы и огорожи на голом земном месте. [7, с. 65]

В следующем примере из «Котлована» используется **диалектизм воронежского областного говора «супряга»** [совместная обработка земли двумя или несколькими хозяевами (обычно беднейшими). Простейшая форма артельной работы. **В супряге с кем-л.** – (обл.) вместе, совместно.] [10, с. 308]:

<...> он уже управился пробурить в гробовых изголовьях и подножьях отверстия и связать гробы в общую супрягу. [7, с. 53]

Лексически, синтаксически и интонационно стараясь более точно и выразительно передать народность речи, Платонов целенаправленно осуществляет стилистическую имитацию речевой манеры обособленных от автора персонажей-рассказчиков также и при помощи введения **элементов сказовой формы**. Необходимо при этом признать, что существует значительное расхождение в подходах различных исследователей к факту использования Платоновым в своей прозе элементов данной формы художественного повествования. Например, особо подчеркивая наличие у Платонова «сложных отношений» со сказом и стилизацией. Л. Шубин [14] так объясняет предполагаемое использование писателем сказовой формы:

«Вводя образ рассказчика или передавая слово герою, молодой писатель стремился социально и психологически оправдать собственный строй мышления, ибо, по сути дела, он изображал не «чужое слово» и не «чужую мысль». Платонов остаётся как бы внутри изображаемого сознания. Он сам так думает, думает, как его герои, самый склад его мышления народный <...> Речь повествователя, авторская речь в произведениях раннего Платонова стремится, как к своему пределу, к речи героев.» [14, с.197]

М. Геллер, рассматривая научные публикации А. Шубина [14], Л. Борового [3], В. Турбина [12], констатирует, что «советские исследователи Платонова единодушно пришли к выводу, что принцип платоновского повествования лишь внешне напоминает «сказ», в сущности будучи ему противоположным» [14, с. 110]. Геллер отвергает данную трактовку, мотивируя это тем, что как раз ирония и сказ «позволяют ему (Платонову) создать дистанцию между автором и персонажем» [там же, с. 110]. В этой своей публикации Геллер, ссылаясь на слова Е. Толстой-Сегал, скорее готов придерживаться её утверждения об особом характере использования Платоновым формы сказа, согласно которому Платонов «не ориентируется на устную речь с её автоматизмами» [11, с. 107]. При этом Геллер апеллирует к пониманию роли сказа В. Шкловским, который считает, что «сказ мотивирует второе восприятие» и создает «второй план произведения» [13, с. 17]. Подобный подход подтверждается и наблюдениями, сделанными В. Г. Бобылевым [2] в ходе осуществленного им филологического анализа повести «Котлован»:

«При поверхностном взгляде может возникнуть впечатление, что «точка зрения» автора целиком совпадает с точкой зрения героев, что нет различия между авторской речью и речью персонажей. Но, достигая большей степени близости к своим героям, порой отождествляясь с ними, Платонов одновременно сохраняет и взгляд извне.» [2, с. 65]

Развивая мысль об употреблении Платоновым элементов сказа в качестве универсального инструмента платоновской стилизации, следует также сказать об особой функции платоновской сказовой формы, которая во многих случаях помогает поднять повествование «Котлована» на высочайшую ступень философского обобщения. Т. Сейфрид [17] так трактует подобную особенность платоновского сказа:

<...> «построенное на основе сказа смешение прямых и переносных значений слов создает вербальный портрет мира, в котором абстрактное и конкретное сосуществует в одной онтологической плоскости: абстракции вторгаются в предметный мир, в то время как предметы начинают олицетворяться через обретение прямого значения философскими понятиями, столь важными для самого Платонова.» [перевод с англ. яз. наш – В.Б.] [17, с. 142]

Для ввода в текст «Котлована» **вербальных элементов сказовости** Платоновым используются разные способы **лексической, стилистической и синтаксической** организации повествования. Например, введение сказа при помощи **подчинительного союза** в сочетании со словами **значит, пусть**. Вот лишь некоторые случаи использования Платоновым характерных вербальных элементов сказовой формы, выбранные нами из текста повести. Введение сказа осуществляется в этих конкретных примерах при помощи подчинительных союзов **потому что, чтоб, чтобы**, а также при включении отдельных **окрашивающих слов** персонажей в авторское повествование и употребления слов типа **мол, ведь, раз, пусть, мало ли, дескать**:

*Ему никто не возражал здесь находится, **потому что мало ли кто** ещё живет без участия в строительстве <...> [7, с. 42]*

*Жачев убеждал Вощева, что его желание безумное, **потому что** вражья имущая сила вновь происходит и загораживает свет жизни, **надо лишь** сберечь детей как нежность революции и оставить наказ. [7, с. 43]*

*<...> у лампы сидел активист за умственным трудом, он чертил графы ведомости, куда хотел занести все данные беднячко-средняцкого благоустройства, **чтоб** уже была вечная, формальная картина и опыт как основа. [7, с. 82]*

*Девочка в стеснении и в боязни опустила голову и начала щипать свою рубашку; она **ведь** знала, что присутствует в пролетариате <...> [7, с. 50]*

*Вощев поглядел на людей и решил кое-как жить, **раз** они терпят и живут <...> [7, с. 25]*

*Почувствовав мысль и одиночество, не желая безответно тратить средства на государство и будущее поколение, активист снял с Насти свой пиджак, **раз** его устраняют, **пусть** массы сами греются. [7, с. 91]*

*Раздался гул колокола, и медведь мгновенно оставил без внимания свой труд – до того он ломал плетень на мелкие части, а теперь сразу выпрямился и надежно вздохнул: **шабаш, дескать**. [7, с. 76]*

*<...>, кроме того, назначалось обнаружить выпуклую бдительность актива в сторону среднего мужика; **раз** он попёр в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс; **дескать**, войдём в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства, на **нас, мол**, тогда власти не хватит, она уморится. [7, с. 90]*

При установке Платонова прежде всего на чужую речь, для платоновского языка сказа характерны внутренние монологи, несобственно-прямая речь, эпический тон повествования. Писатель вводит вербальные элементы сказовой формы для усиления достоверности происходящего, добиваясь этим и более художественно и стилистически достоверной передачи народности речи. Подход в пользу присутствия в тексте «Котлована» определенных элементов сказовости может быть подтвержден и высказыванием М. Бахтина [1]:

«Если же лексический оттенок хотя бы до некоторой степени индивидуализирован, т.е. указывает на какое-нибудь определённое чужое высказывание, из которого данное слово заимствуется или в духе которого оно строится, то перед нами или стилизация, или пародия, или аналогичное явление.»
[1, с. 249]

По мнению Е.П. Корчагиной, таким словом, несущим на себе индивидуализированный лексический оттенок, и является сказовое слово [5, с. 109]. Она считает специфической основой платоновского сказа не ту общую установку сказового слова на устную речь, о которой говорил Б. Эйхенбаум [15, с. 152-156], а его установку прежде всего на чужую речь. Введение Платоновым элементов сказа открывает в тексте «Котлована» как раз тот второй, общеплатоновский план повествования и мотивирует, согласно ранее приведенным словам Шкловского, «второе восприятие» данного произведения читателем [13, с. 17].

В «Котловане» предопределяемая сказовым жанром синтаксическая структура предложений стилизована под речь персонажей, местоимения и глаголы в некоторых местах авторского описания употреблены в первом лице. Имеющийся словарный запас соответствует каждому индивидуально выписанному платоновскому характеру.

Таким образом, главным условием при исследовании элементов народной речи, содержащихся в прозе Платонова, является углублённое изучение механизма авторской стилизации под народный язык, которая ведёт к образованию развёрнутых стилистических и сатирических коннотаций. Во многих случаях косвенное по форме авторское описание-пересказ поступков, мыслей и логики платоновских персонажей насыщено эмоционально сочными разговорными формами речевого общения с интенсивным включением отдельных окрашивающих слов, косвенно артикулируемых персонажами, что все вместе придает повествованию живое и яркое сказовое звучание.

Заключение

В основе многогранного писательского таланта и мастерства Андрея Платонова лежит обостренное чувство правды и истины, пылкий интерес к сути любых вещей и, в значительной степени, по-платоновски особо осмысленное ироническое мировоззрение. Платонов как писатель находится в вечном онтологическом поиске в силу интуитивно осознаваемой им невозможности существования стандартных подходов к диалектике развития. Перлокутивный эффект «Котлована» и всей платоновской прозы направлен не только на создание определенного эстетического воздействия на читателей, но и предполагает прямое или косвенное влияние на них с целью расширения их информированности, изменения в их эмоциональном состоянии, взглядах и оценках.

Характерными чертами художественного метода Платонова являются систематический отказ от конвенциональных грамматических форм, проявляющийся в образовании чисто платоновских сочетаний, смешение разных стилей, коннотативная природа его текстов, имплицативность авторского дискурса.

Главным условием при исследовании элементов народной речи, содержащихся в прозе Платонова, является углублённое изучение механизма авторской стилизации под народный язык, которая ведёт к образованию развёрнутых стилистических и сатирических коннотаций. Стилизованно воссоздавая в «Котловане» атмосферу народной коммуникации, Платонов не только поднимает весь пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской народности, но и употребляет обыденную и высокую книжную лексику в стилистически сниженном, нехарактерном для её применения народном контексте.

References:

1. Bahktin M.M. (1965). Slovo v romane. Voprosy literatury, #8, 1965.
2. Bobylev B.G. (1991). Opyt filologicheskogo analiza povesti A. Platonova «Kotlovan». Russkij jazyk v shkole. # 2, 1991, 62-71.
3. Borovoj L.Ja. (1966). Jazyk pisatelja. A. Fadeev, Vs. Ivanov, M. Prishvin, A. Platonov. Moskva: Sovetskij pisatel'.
4. Geller M.Ja. (1982). Andrej Platonov v poiskah schast'ja. Paris: Ymca-Press.
5. Korchagina E.P. (1970). O nekotoryh osobennostjah skazovoj formy v rasskaze «Reka Potudan'». Tvorchestvo A. Platonova. Stat'i i soobshchenija. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 107-116.
6. Ozhegov S.I. (1990). Slovar' russkogo jazyka. Moskva: Russkij jazyk.
7. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
8. Selishhev A.M. (1928). Jazyk revoljucionnoj jepohi. Iz nabljudenij nad russkim jazykom poslednih let (1917-1926). Moskva: Rabotnik prosveshchenija.
9. SNRG. (1965). Slovar' russkih narodnyh govorov. Pod red. Filina F.P. Moskva-Leningrad: Nauka.
10. SRJa. (1984). Slovar' russkogo jazyka IRJa AN SSSR. V 4-h tomah. Moskva: Russkij jazyk.
11. Tolstaja-Segal E.M. (1978). Stihijnye sily: Platonov i Pil'njak. (1928-1929). Slavica Hierosolymitana, V. III. Jerusalem: The Magnes Press, 89-109.
12. Turbin V. (1965). Misterija Andreja Platonova. Molodaja gvardija, # 7, 1965, 293-307.
13. Shklovskij V.B. (1928). O Zoshchenke i bol'shoj literature. M. Zoshchenko. Mastera sovremennoj literatury. Stat'i i materialy. Leningrad, 17.
14. Shubin L.A. (1967). Andrej Platonov. (O tvorcestve pisatelja). Voprosy literatury, , #6, 1967, 26-54.
15. Jejhenbaum B.M. (1923). Skvoz' literaturu. Sbornik statej. Leningrad. 1923 (cit. po istochniku [5, s.107]).
16. Lehtikoinen R. (1990). Slovar' revoljucii – revoljucija v slovare? Abbreviatyury i inojazychnaja leksika v russkom jazyke pervogo poslerevoljucionnogo desjatiletija. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, N:o 32, 1990.
17. Seifrid T. (1984). Linguistic devices in the prose of Andrei Platonov. Ithaca, New York: Cornell University, Ann Arbor.

Information about the author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,
E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

The author permanently lives in Helsinki.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works and reports – about 100 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*